

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/dklkdj>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 325.11(571.1/.5)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

«Свои» и «чужие»: внутренние мигранты в представлениях жителей сибирских городов (на примере Иркутска, Красноярска и Томска)

Д. О. Тимошкин^{1,2} Ф. А. Сметанин^{1,3} Д. Е. Горшкова^{1,3}✉ А. А. Волошин¹ К. А. Иванов^{1,4}

Ю. О. Корешкова¹ А. Е. Сорокина² С. А. Игнатенко² Г. А. Шапошникова-
Мурашова²

¹ Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Российская Федерация)

² Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Российская Федерация)

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск, Российская Федерация)

⁴ Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии
им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук»
(г. Иркутск, Российская Федерация)

✉ br.diana21@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследуется процесс формирования гражданской идентичности в современной России, рассматриваемый в контексте проблемы производства и преодоления границ между воображаемыми сообществами. Большинство существующих исследований сфокусированы на том, как трансграничная миграция влияет на переосмысление принимающим сообществом своей идентичности. При этом внутренние мигранты, являясь частью того же общества, могут воздействовать на идентификацию «мы-группы» внутри страны. Изучение этого вопроса важно для понимания

© Тимошкин Д. О., Сметанин Ф. А., Горшкова Д. Е., Волошин А. А., Иванов К. А.,
Корешкова Ю. О., Сорокина А. Е., Игнатенко С. А., Шапошникова-Мурашова Г. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

конфигурации общегражданской идентичности и ее структуры с точки зрения поддержания и сохранения социальной солидарности. Цель работы состоит в выявлении механизмов, на основе которых представители «мы-группы» выстраивают границы в отношении внутренних мигрантов, а также в изучении проницаемости этих границ. Проанализировано влияние процессов внутренней миграции на представления жителей трех сибирских городов о «своих» и «чужих».

Материалы и методы. Материалом исследования послужили данные девяти фокус-групп с жителями Иркутска, Красноярска и Томска в возрасте 18–36 лет, проведенных в 2023 г. Респонденты набирались методом снежного кома. Информация обрабатывалась с помощью тематического осевого кодирования, выполненного в программе MAXQDA-2020, а также дискурс-анализа.

Результаты исследования. Установлено, что респонденты рассматривают и внутренних, и трансграничных мигрантов в качестве людей, попадающих в разрывы плотной сети коммуникаций, интегрированность в которую выступает основным признаком отнесенности к «мы-группе» носителей общегражданской идентичности. Внутренняя миграция способствует выстраиванию границ между местными и приезжими на локальном уровне. Коммуникация горожан и выходцев из сельской местности характеризуется сбоями, которые и служат для местного населения главной причиной исключения приезжих. Однако проницаемость границ по отношению ко внутренним мигрантам выглядит более явной, нежели по отношению к трансграничным. Исследование подтверждает, что главными факторами интеграции переселенцев в принимающую группу становятся включенность в локальные социальные сети и навыки использования городской среды.

Обсуждение и заключение. Внутренние мигранты могут преодолеть разрыв с принимающим обществом гораздо быстрее, нежели трансграничные, что подтверждает тезис об укреплении общегражданской идентичности в России. Возникающие коммуникативные сбои, однако, несут в себе конфликтный потенциал и угрозу социальной солидарности. В связи с этим результаты исследования могут быть полезны при разработке мер в сфере миграционной политики, поскольку актуализируют ключевые проблемы, решение которых в дальнейшем становится стратегической задачей.

Ключевые слова: гражданская идентичность, внутренняя миграция, локальная идентичность, преодоление границ, Сибирь

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-78-10075 «Сравнительный анализ неформальных практик интеграции внутренних и трансграничных мигрантов в современных сибирских региональных столицах (на примере Иркутска, Красноярска и Томска)», <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>

Для цитирования: Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А., Горшкова Д.Е. и др. «Свои» и «чужие»: внутренние мигранты в представлениях жителей сибирских городов (на примере Иркутска, Красноярска и Томска). *Регионоведение*. 2025;33(2):316–334. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334>

“Us” or “Them”: Internal Migrants in the Perceptions of the Siberian Cities’ Citizens (on the Example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk)

D. O. Timoshkin ^{a,b}, F. A. Smetanin ^{a,c}, D. E. Gorshkova ^{a,d} ✉, A. A. Voloshin ^a, K. A. Ivanov ^a, I. O. Koreshkova ^a, A. E. Sorokina ^e, S. A. Ignatenko ^e, G. A. Shaposhnikova-Murashova ^e

^a Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

^b Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

^c National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

^d Federal Research Center “Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Irkutsk, Russian Federation)

✉ br.diana21@gmail.com

Abstract

Introduction. The study examines the process of civic identity formation in contemporary Russia in relation to the production and crossing of boundaries between “imagined communities”. Most existing research focuses on how cross-border migration influences the host community’s rethinking of its identity. At the same time, internal migrants, being part of the same society, can impact the identification of the “us-group” within the country. Studying this issue is crucial for understanding the configuration and structure of civic

identity from the perspective of maintaining and preserving social solidarity. The authors analyze the influence of internal migration on the perceptions of residents in three Siberian cities regarding “us” and “them.” The aim of the study was to identify the mechanisms by which members of the “us-group” construct boundaries with respect to internal migrants, as well as the degree of permeability of these boundaries.

Materials and Methods. The authors based their research on 9 focus groups with citizens of Irkutsk, Krasnoyarsk, and Tomsk, aged 18–36, conducted in 2023. Respondents were recruited using snowball sampling. The material was analyzed using thematic axial data coding, performed in the MAXQDA program, and discourse analysis.

Results. It was found that respondents perceive both internal and cross-border migrants as individuals who fall into the gaps of a dense communication network, where integration into this network is the primary criterion for belonging to the “us-group” of civic identity holders. The study found that internal migration contributes to the formation of boundaries between locals and newcomers at the local level. Communication breakdowns occur between urban residents and rural migrants, which serve as the main reason for locals to exclude newcomers. However, the permeability of borders is more evident for internal migrants than for cross-border migrants. The research confirms that the key factors for the integration of newcomers into the host community are their inclusion in local social networks and their ability to navigate and use the urban environment.

Discussion and Conclusion. Internal migrants are able to bridge the gap to the host society much faster than cross-border migrants, which supports the thesis of strengthening civic identity in Russia. Nevertheless, the emerging communication breakdowns carry a potential for conflict and pose a threat to social solidarity. In this respect, the findings of the study may be useful in the development of migration policies, not only by drawing attention to the issue of internal migration, but also by highlighting key problems whose solution becomes a strategic priority.

Keywords: civil identity, internal migration, local identity, overcoming borders, Siberia

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 22-78-10075 “Comparative analysis of informal practices of integration of internal and cross-border migrants in modern Siberian regional capitals (on the example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk)”, <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>.

For citation: Timoshkin D.O., Smetanin F.A., Gorshkova D.E. et al. “Us” or “Them”: Internal Migrants in the Perceptions of the Siberian Cities’ Citizens (on the Example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk). *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):316–334. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334>

Введение. Тема конструирования и преодоления воображаемых границ, отделяющих «своих» от «чужих», весьма актуальна для современной России, поскольку попадает в контекст двух проблем: миграции и формирования общегражданской идентичности. Рассматривая последнюю как сеть коммуникаций¹, которая поддерживает регулирующие границы «мы-группы» дискурсивные практики, исследователи считают ее механизмом [1], расширяющим группу «своих» как объект лояльности до пределов национального государства в целом. При этом номинальные идентичности в иерархии ценностей начинают доминировать над «идентичностями изнутри»².

Выделяя, вслед за А. Э. Мурзиным, идентичность первого порядка – региональную, и идентичность второго порядка – общероссийскую³, образующие двух- или трехступенчатые системы⁴, можно сказать, что последняя весьма динамична [2; 3].

¹ Della Porta D., Diani M. *Social Movements: An Introduction*. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 345 p.

² Jenkins R. *Rethinking Ethnicity*. London : SAGE publications, 2008. 207 p.

³ Мурзин А. Э. Региональная идентичность: сущность, характер, опыт изучения. М. : Директ-медиа, 2015. 99 с.

⁴ Paasi A. *Region and Place: Regional Identity in Question* // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, no. 4. Pp. 475–485. <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>

Она составляет относительно стабильные конфигурации со множеством локальных идентичностей, занимая при этом доминирующую позицию [2] и делая границы между «мы-группой» и «чужими» внутри государства более проницаемыми.

По оценкам исследователей, в России общегражданская идентичность, рассматриваемая как «...устойчивые, воспроизводящиеся представления о членстве в российском обществе» [4; 5], в соответствии с которыми люди строят образ границ воображаемого сообщества «своих», существует и укрепляется [6]. Впрочем, этот процесс затруднен в том числе из-за противоречивости государственной политики [7; 8], унаследованной от советского национального проекта. Она заключается в том, что представители власти «...свою задачу – слияние советских наций в новую историческую общность – решали средствами, ведущими к кристаллизации составных частей, от которых ожидалось растворение в будущей общности»⁵.

Несмотря на констатацию недопустимости противопоставления гражданской и этнической идентичностей⁶, их сосуществование нередко рассматривается локальными сообществами как нечто не совсем естественное. В некоторых локальных системах этническая идентичность доминирует над общегражданской, что приводит к маркированию сограждан, относящихся к видимым меньшинствам, в качестве «чужаков» [9].

Этот процесс проходит неравномерно в разных регионах, где выстраиваются уникальные конфигурации [10–12]. Локальные и общегражданская идентичности меняются местами в иерархиях ценностей, при этом трансформируются способы выстраивания границ между «своими» и «чужими». Все это актуализирует исследование таких региональных структур. Мы полагаем, что миграция является значимым фактором, влияющим на их производство. Ситуация контакта с мигрантом, особенно относящимся к видимым меньшинствам – как трансграничным [13–15], так и внутренним⁷, стимулирует местные сообщества проводить и редактировать границы между «своими» и «чужими». При этом могут выясняться противоречия между гражданской и локальными идентичностями, когда в одной группе гордость от проживания в многонациональной стране соседствует, например, с представлениями об иерархии культур [16] и недопустимости их смешивания [17].

Особый интерес вызывает внутренняя миграция: участники этого процесса, не относящиеся к видимым меньшинствам, нередко выводятся за рамки проблемы производства социальных границ, по умолчанию считаясь носителями общероссийских метакультурных ценностей [18]. Однако они могут восприниматься «чужими» как раз из-за несоответствия, в глазах принимающей группы, местной системе приоритетов⁸. Предположительно, в связи с этим они могут влиять на конфигурацию локальной и общегражданской идентичностей.

⁵ Малахов В. С. Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис: журнал о будущем. 2006. № 3. С. 144–159. URL: [https://iphras.ru/uplfile/histpol/biblio/144-59_malahov\[1\].pdf](https://iphras.ru/uplfile/histpol/biblio/144-59_malahov[1].pdf) (дата обращения: 14.02.2024).

⁶ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 19.02.2024).

⁷ Дмитриев А. В. Этномиграционные стереотипы versus адаптации. Россия реформирующаяся : Ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М. : Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 397–410.

⁸ Мурзин А. Э. Региональная идентичность...

Цель исследования заключалась в том, чтобы, изучив локальные конфигурации идентичностей в Красноярске, Иркутске и Томске, определить, как приезжие влияют на их производство: воспринимаются ли респондентами внутренние мигранты как «чужие»; какие аргументы приводятся в подтверждение и опровержение «чуждости» переселенцев из российских сел и городов; какими качествами наделяются «мы-группа» и приезжие; насколько осуществимым воспринимается преодоление разделяющих их воображаемых границ.

Рабочая гипотеза состояла в том, что критерием исключения мигранта, не обладающего видимыми отличиями, из принимающей «мы-группы» выступает не столько факт пересечения национальных границ, сколько уровень интегрированности в инфраструктурные и социальные сети, на чем и базируются локальные конфигурации идентичностей. Пространственный фактор можно назвать одним из ключевых критериев, позволяющих отделять «своих» от «чужих» [19], особенно в социально гетерогенных пространствах крупных городов.

Обзор литературы. Исследование идентичности в контексте городской среды остается одной из центральных тем, как в классических⁹, так и в более поздних работах по социологии города¹⁰. Производство городской идентичности рассматривается как динамичный процесс, формирующийся в результате постоянного взаимодействия между местными жителями и «чужаками»¹¹. Такое взаимодействие способствует перманентному пересмотру границ локального сообщества¹² и способов самоидентификации его участников [20].

Несмотря на то что внутренняя миграция является стимулом социальных трансформаций в городах, в российской академической литературе внутренние мигранты редко рассматриваются как фактор, влияющий на производство локальных идентичностей. Население принимающих городов и приезжие анализируются в рамках единой категории, что исключает возможность обнаружения специфики интеграционных процессов [21]. Внутренние мигранты действительно быстрее адаптируются в городах благодаря общегражданскому контексту и культурной близости. При этом они сталкиваются с проблемами дефицита социального капитала и дискриминации со стороны местного населения [3].

Недавнее коллективное исследование российских ученых¹³ показывает, что процесс интеграции внутренних мигрантов в городах России нельзя расценивать исключительно как линейный и однонаправленный. Они могут включаться в городские сообщества по разным траекториям, которые определяются не только личными ресурсами и стратегиями адаптации, но и отношением принимающей

⁹ Tajfel H. *Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. London : Academic Press, 1978. 474 p. ; Cohen A. P. *The Symbolic Construction of Community*. London : Ellis Horwood and Tavistock Publications, 1985. 128 p. ; Зиммель Г. *Большие города и духовная жизнь*. М. : Strelka Press, 2018. 112 с.

¹⁰ Simone A. *For the City Yet to Come: Changing African Life in Four Cities*. Durham, NC : Duke University Press, 2004. 312 p.

¹¹ Bauman Z. *Culture as Praxis*. London : SAGE, 1999. 198 p. ; Bauman Z. *On Glocalization: or Globalization for Some, Localization for Some Others* // *Thesis Eleven*. 1998. Vol. 54, no. 1. Pp. 37–49. <https://doi.org/10.1177/0725513698054000004>

¹² Зиммель Г. Эссе о чужаке // *Социальное пространство: Междисциплинарные исследования. [Реферативный сборник]*. Серия «Социология» / Отв. ред. Л. В. Гирко. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. С. 173–178.

¹³ Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. *Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция*. М. : ИД «Дело», 2021. 226 с.

стороны. В ряде случаев приезжие воспринимаются в качестве «чужих» не только из-за региональных различий, но и вследствие особенностей локальной социальной структуры, традиций ее самоорганизации и наличия закрытых сообществ.

Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждается зарубежными исследованиями, в частности работами, посвященными внутренней миграции в Китае. К 2020 году там насчитывалось около 376 миллионов внутренних трудовых мигрантов [22], большинство из которых переехали в города из сельской местности. Они столкнулись с социальной изоляцией [23], усугубляемой системой регистрации хукоу (户口) [24–26], которая институционально закрепляет различие в правах между городскими жителями и мигрантами [27; 28]. Это ведет к пространственной и социальной сегрегации в китайских мегаполисах [24; 29], создает серьезные барьеры для интеграции. Даже если приезжие принадлежат к титульной этнической группе (ханьцам), они нередко исключаются из принимающих сообществ [24; 30].

Сходные процессы отмечены и в других странах с высокой внутренней миграционной мобильностью, таких как Индия, Бангладеш и государства Африки¹⁴ [31–35]. В этих регионах различия в социальном и культурном укладе между горожанами и приезжими из сельской местности осложняют интеграцию последних [35], даже не смотря на формальное гражданское равенство [31; 32]. Локальные сообщества часто воспринимают мигрантов как «чужаков» и выстраивают символические границы, препятствующие их полной интеграции в городскую среду [33].

Зарубежный опыт показывает, что внутренняя миграция может сопровождаться сложными процессами социальной и структурной интеграции, даже если приезжие и принимающее население формально принадлежат к одной нации. В российском контексте эта проблема остается малоизученной, особенно с точки зрения влияния внутренних переселенцев на локальные идентичности. Вопрос о социальной и структурной интеграции внутренних мигрантов в российских городах требует дальнейшего изучения, и в первую очередь в аспекте их взаимодействия с местным сообществом и формирования «мы-групп». Выявление специфики этих процессов может внести значительный вклад в понимание динамики локальных идентичностей в условиях внутренней миграции.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужили данные девяти фокус-групп, длившихся от одного до двух часов, численностью 6–10 человек, которые были проведены в июле–сентябре 2023 года в Иркутске, Томске и Красноярске. При этом производилась запись на диктофон. Впоследствии аудиофайлы были вручную расшифрованы и переведены в текстовый формат для удобства применения качественных методик работы с текстами. При расшифровке применялся метод дословной транскрипции, т. е. фиксировались как содержательные высказывания, так и междометия, смех, оговорки. Такой подход виделся наиболее релевантным, поскольку, среди прочего, позволял передать высокую степень эмоциональности речи, что важно при работе с чувствительными тематиками.

Выбор городов для исследования обусловлен тем, что они имеют схожие социально-экономические характеристики и, несмотря на разные размеры и социально-экономическую специфику, являются крупными научными и образовательными

¹⁴ Rajan S. I. Migration, Identity and Conflict: India Migration Report 2011. Routledge, 2011. 360 p. <https://doi.org/10.4324/9780203085264>

хабами в Сибири, притягивающими масштабные потоки образовательных мигрантов. Иркутск и Красноярск в силу своего местоположения и экономического потенциала также играют роль центров притяжения трудовой миграции. Таким образом, все три выбранных города – важные сибирские регионы с активными миграционными процессами, где внутренние и трансграничные переселенцы занимают значительную долю рынка труда. Это позволяет исследовать общие для данных территорий социальные стереотипы, а также восприятие мигрантов местными жителями, что необходимо для выявления универсальных закономерностей миграционных процессов.

Одинаковое количество групп (по 3) в местностях со столь разным населением объясняется отсутствием приоритета количественной репрезентативности¹⁵. Кроме того, во второй и третьей фокус-группах в каждом городе наблюдалась повторяемость тематических категорий, несмотря на разницу в социальном составе и возрасте участников. Стратегия работы строилась на принципе сопоставимости, а не симметрии; насыщенность данных определялась глубиной и релевантностью обсуждений¹⁶. Все фокус-группы предоставляли возможность выделить локальные стереотипы относительно мигрантов.

Респонденты, местные жители в возрасте от 18 до 36 лет, набирались методом снежного кома. Это позволило ускорить процесс; укрепить атмосферу доверия и обеспечить естественное вовлечение участников, что особенно важно для исследования чувствительных тем; эффективно привлечь тех, кому было важно делиться личным опытом в безопасной и поддерживающей среде; сгладить напряжение в обсуждении таких сенситивных тем, как идентичность и ксенофобия. Вместе с тем названный метод несет определенные риски: вероятность тупиковой выборки, проблем избыточного внимания [36], гомогенизация мнений и др.

Выбранный подход имеет особенности, которые, на первый взгляд, могут определяться как ограничения, однако на самом деле они способствовали глубине и надежности исследования. Отсутствие триангуляции, например, не ограничивало, а наоборот, акцентировало внимание на изначальной направленности работы – изучении мнений и восприятия, возникавших из непосредственных, не искаженных внешними факторами дискуссий внутри фокус-групп. Это дало возможность глубже погрузиться в понимание реального и актуального восприятия участников без дополнительного влияния.

Все респонденты были дважды (на этапе отбора и непосредственно перед началом процедуры) проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Анализ собранного материала проводился с помощью тематического осевого кодирования. Его расшифровки обрабатывались с использованием программы MAXQDA-2020. Упоминания мигрантов соотносились с категориями «внутренние» и «трансграничные», каждая из которых, в свою очередь, разделялась на следующие подкатегории: социальные характеристики (опасен/безопасен, где

¹⁵ Krueger R. A., Casey M. A. Focus Groups: A Practical Guide for Applied Research. 5th ed. New York : Sage Publications, 2015. 280 p.

¹⁶ Ritchie J., Lewis J., Elam G., Tennant R. Designing and Selecting Samples // Qualitative Research Practice: A Guide for Social Science Students and Researchers / eds. J. Ritchie, J. Lewis, C. McNaughton Nicholls, R. Ormston. New York : Sage Publications, 2013. Pp. 111–145.

встречается, чем занимается); различия/сходства переселенца и местного жителя (доступ к городской инфраструктуре, поведение/внешний вид, язык, национальная/этническая принадлежность). К результатам кодирования применялась методика дискурс-анализа: «мы» и «мигранты» рассматривались как изменчивые знаки, которые респонденты связывали с разными цепочками эквивалентности.

Результаты исследования. Рассуждая о миграции, респонденты по умолчанию подразумевают приезжих из стран Содружества Независимых Государств: *«В: Что вы знаете о мигрантах в Томске? <...> О2: В Томск есть миграция из множества стран, Центральной Азии, как правило. Из менее развитых азиатских стран, преимущественно в прошлом входили в состав Советского Союза».* Чаще всего упоминались Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан, реже Армения и Казахстан.

Респонденты выделили ряд критериев, по которым отделяют мигрантов от «мы-группы» и которые практически не вызывают споров: внешний вид, поведение, язык, профессия. Наиболее значимыми оказались видимые отличия, в ряде случаев даже более приоритетные, чем формальные признаки: *«У них есть специфика культуры, это... специфическая одежда: носят они платки, к примеру, голову покрывают. <...> В институте есть мальчики, у которых... скорее всего, русский паспорт, потому что они... всю жизнь в России живут, при этом по внешности понятно, что у них родители не из России. Все равно не может такого быть, что, ну, он точно русский».*

Значимым фактором становятся социальные характеристики, прежде всего трудная, «грязная», опасная работа¹⁷ – так называемая 3Ds. Мигранты стигматизируются, их представляют некомпетентными, не нужными собственным странам и потому готовыми на труд, непрестижный в восприятии местных. Иногда эти характеристики респонденты связывают с размером поселения исхода: *«К нам городское население едет в меньшей степени. <...> Квалифицированные специалисты нужны у них там самим. Сюда едет, на самом деле, то население, которое их экономика выплюнула».*

Социальные характеристики мигрантов определяют пространства, в которые их помещают. Относительно пространственного контекста участники фокус-групп преимущественно не расходились во мнении, это недорогое жилье: «гостинки»¹⁸, малосемейные общежития, частный сектор, старые многоквартирные дома. В Иркутске они расположены в окраинных микрорайонах (Березовый, Ново-Ленино и Юбилейный, поселок Марково), в районе Центрального рынка (Площадь Павла Чекотова, Шанхай Сити-Молл). В Красноярске это жилищные комплексы Белые росы, Тихие зори, микрорайоны Пашенный, Зеленая роща, Ветлужанка; районы Черемушки и Левобережье, поселок Солонцы. В Томске упоминаются проспекты Комсомольский и Мира, «конец» улицы Ленина, дома на Нефтяной и Мокрушина, Красный переулок на Центральном рынке; микрорайоны Южные ворота и Северный парк. Маркером, отличающим «своих» от мигрантов, становится и религиозность последних: их помещают в мечети и прилегающие районы.

¹⁷ Piore M. J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 229 p.

¹⁸ В Красноярске и Томске так называют многоэтажные жилые комплексы с маленькими квартирами и комнатами низкого качества.

Названные пространства ассоциируются с бедностью и опасностью, причем их качества переносятся на приезжих: *«Район <...> не очень благополучный. Там в школьные годы было много шпаны, как раз-таки нерусских национальностей. И они часто вступали в драки, в словесные перепалки, во все такое. <...> Опасность присутствует, даже если свои, русские, подвыпившие. Но с мигрантами еще меньше хочется иметь дело, потому что они кажутся опаснее, более враждебно настроены».*

Важным фактором производства границ становится «культура», под которой подразумеваются нормы поведения, по умолчанию известные «местным»: *«Мигрант приезжает, получается <...> он не знает культуру страны, в которую он въехал, а люди страны, в которую он приехал, не знают его культуру. Соответственно из-за этих незнаний могут возникнуть барьеры, недопонимания и какой-то конфликт».*

Некоторые респонденты присваивают приезжим «чуждую», опасную, культуру, однако такие утверждения не являлись доминирующими в группах, обычно оспаривались большинством, и в первую очередь теми, кто имел опыт личного взаимодействия с мигрантами: *«Я работал в баре. Он работал поваром. Он узбек. <...> Он довольно культурный парень. Приехал учиться в университете, довольно быстро выучил русский. И головастый, и приятный, и культурный».*

Практически не оспаривалось недостаточное владение русским языком как еще один аргумент в пользу «чуждости» мигрантов. «Свой» обязан знать язык «в совершенстве», критериями чего выступают отсутствие акцента, знание локальных идиом и топонимов. В ряде случаев это обстоятельство становилось доводом в пользу того, чтобы отнести к «чужакам» и внутренних мигрантов. Таким образом, овладение языком может быть важнее структурной интеграции: «чужими» оказывались люди экономически успешные, но говорящие с акцентом.

Использование мигрантами родного языка в публичных местах иногда расценивалось как проявление враждебности: *«Мне кажется, если они даже нас оскорбляют, они всё будут на своем языке, и я просто этого не понимаю».* Однако язык не является универсальным критерием: в одной из фокус-групп обсуждалось, что «своим» может стать не знающий языка человек, если он следует местным правилам: *«Если человек живет в Иркутске и не говорит на русском вообще. В принципе, для меня, я могу его назвать иркутянином. <...> Если человек следует правилам сообщества, то все в порядке. Он даже может не быть прописан, но отношение к нему будет адекватное».*

Во всех фокус-группах национальные и этнические маркеры относились участниками к признакам «чуждости» и оспаривались большинством. Другими словами, стигматизация «нации» для местного сообщества табуирована. Отвергая проведение границы «свой»–«чужой» по этническому и национальному признаку, респонденты могли ссылаться на советский национальный проект: *«С разных стран приезжают. Вот, с Советского Союза осталось, что все люди жили раньше в едином обществе. Хоть сейчас разделение разных стран, но... Некоторые люди живут по старым правилам. <...> То есть национальность тут не сильно влияет, тут влияет именно состояние конфликтности».*

После уточняющего вопроса об отношении к внутренним мигрантам в группах разворачивались дискуссии о допустимости употребления слова «мигрант» в отношении приезжих из российских регионов. Фактически респонденты оспаривали

уместность значения «чужак», которое они по умолчанию присваивали переселенцам. Аргументами в споре становились сходства и отличия внутреннего мигранта от воображаемой «мы-группы».

В итоге члены группы в основном приходили к единому мнению, согласно которому приезжих из российских регионов нельзя считать мигрантами, или «чужаками». Если в случае с трансграничными мигрантами точкой консенсуса являлось присутствие культурных различий, которые иногда оказывались важнее декларируемой ценности многонациональности, то относительно внутренних существование этих различий оспаривалось. Некоторые респонденты были склонны по умолчанию приписывать выходцам из других регионов общую с ними культуру: *«Относительно внутренних, я таких людей мигрантами-то не считала. Ты приехал из другого региона, и что? Ты такой же человек. Такой же, как и я! Ты говоришь на том же языке, выглядишь, как и я. Моральные ценности, культурные какие-то. Я таких людей ни разу не считаю мигрантами».*

Если же человек обладает отличиями, то из категории «выходец из соседнего региона», «такой же, как я», он переходит в разряд «чужаков» с характерным для трансграничных мигрантов набором признаков. В первую очередь выделялись видимые различия, которые, в частности, могли возводиться к культурным особенностям, проявившимся в несоответствии поведенческим нормам: *«Внутренние это кошмар. В Ново-Ленино ночью пойти гулять максимально опасно. Потому что мигрантов очень много. <...> Вот наш отец, у него есть его знакомый в полиции. И в своё время только-только Берёзовый заселяли мигрантами, он рассказывал, что постоянно ему друг звонит. По 2–3 вызова каждую ночь по дракам, по дебошам».*

Несоответствие нормам объяснялось наличием у внутренних мигрантов специфического для региона исхода культурного багажа, который определял не только потенциальную опасность, но и тактики интеграции: *«И у меня претензия к ним больше не столько как к чужестранцам, но к их культурному и образовательному уровню. Пусть приезжает 10 адекватных узбеков, чем 100 неадекватных русских из деревни. Которые потом организывают ОПГ (организованную преступную группировку. – Прим. авт.), а больше они ничего не могут...».*

Как и в случае с трансграничными мигрантами, национальные или этнические маркеры не объявляются причиной границы «свой»–«чужой» сами по себе. Таковой становятся по умолчанию ассоциируемые с этими маркерами культурные различия. Упоминая о разделяющих их и внутренних мигрантов различиях, респонденты в первую очередь приводят в пример выходцев из «республик»: *«Наверно, республика (Дагестан. – Прим. авт.) больше всех отличается от Томской области, потому что... обособлена от субъектов страны и у них есть свои внутренние особенности. Локальная религия, которая преобладает».*

Языковые различия также становятся основой для границы «свой»–«чужой» в случае внутренних мигрантов. При этом они могут смешиваться с этническим маркированием: *«В: Как вы думаете, приезжие из других регионов отличаются от тех, кто приезжает из других стран? О2: Вообще ничем не отличаются. Зачастую, большинство людей, что тувинцы, что якуты, считают, что они все нерусские, поэтому у них свой лексикон, свой язык».*

Еще одним фактором, обуславливающим культурные различия, выступает тип поселения. «Деревенских» респонденты не всегда считают «своими», приписывая

им те же отличия, что и трансграничным мигрантам или выходцам из национальных республик: *«Здесь больше, мне кажется, граница проходит между селом и городом... Ну, именно, что всё равно городские жители отличаются от сельских».*

Язык, нация, этнос, культура – все это становится предметом споров. Причем чаще оспаривается не приемлемость подобных различий, а само их существование в случае с внутренними мигрантами. Точкой же консенсуса в определении характеристик внутренних и трансграничных мигрантов служит их интегрированность в социальную и экономическую структуру принимающего города.

«Свой» в отличие от мигранта характеризуется как человек, умеющий пользоваться городской инфраструктурой, в полной мере включенный в нее и извлекающий из нее определенные преференции – социальный и финансовый капитал, безопасность, информацию: *«Если ты бросаешь всё, что у тебя есть, допустим, в Абакане, и едешь в Красноярск, где у тебя никого нет и ничего нет, и ты заново начинаешь всё строить, друзей, денежки какие-то, жильё, то тогда да. Тогда ты мигрант».*

В свою очередь, удаленность от инфраструктуры будет определять и социальные характеристики приезжего. Внутренний мигрант, как и трансграничный, вероятнее будет претендовать на тяжелую, низкооплачиваемую работу: *«О1: ...Люди, которые приехали без корней в новый город, они берутся за любую работу. Чаще всего это работа малооплачиваемая. <...> Приезжие из деревень, иногородние, иностранные. <...> То есть низкооплачиваемые... О2: Низкоквалифицированные? О1: Да, низкоквалифицированные...».* Внутренние мигранты, как и трансграничные, селятся в периферийных районах с низкой стоимостью аренды: *«Тихие зори – это сейчас довольно популярно, потому что квартиры не очень дорогие и в целом там большое привлечение людей, приезжих в том числе, и студентов, и молодых семей. <...> Тем, кому нужно снять жильё подешевле и не сильно надолго».*

Таким образом, «чуждость» мигранта в представлении респондентов помимо внешних отличий складывается также на основе его социальных характеристик (уровень дохода, тип занятости) и территории расселения (периферия, дешевое жильё). Это связано с тем, что мигрант, особенно тот, что перебирается из села в город, отчуждается от привычных инфраструктурных и социальных сетей, которые определяют качество его жизни, от локальных языков описания, регламентирующих правила пользования данными сетями. Необходимость осваивать все заново делает сходным опыт трансграничных и внутренних мигрантов из небольших поселений, влияя также на условия включения в «мы-группу».

Отвергая стигматизированный националистический нарратив, респонденты часто формировали границы включения на основе культурных признаков (акцент, неконвенциональное поведение или внешний вид). Это подчеркивает противоречие: декларируя многонациональность России в качестве базы для принятия этнически маркированных мигрантов, они одновременно исключают тех, кто отличается культурой, подменяя табуированные национальные маркеры. В обсуждениях внутренних переселенцев такие различия нередко становятся предметом споров, хотя в отношении трансграничных мигрантов принимаются как данность. Это свидетельствует о разрыве между риторикой гражданской идентичности и ее практическим воплощением.

Ключевым фактором интеграции, выявленным в исследовании, является время: чтобы стать «своим», мигранту необходимо адаптироваться к социальным

и культурным конвенциям, выглядеть, говорить и работать, «как мы». Сокращение периода включения в городские социальные и экономические сети может уменьшить дистанцию между риторикой общей идентичности и практикой ее реализации. При этом трансграничным мигрантам, особенно тем, кто плохо владеет русским языком, требуется больше времени на структурную интеграцию, чем внутренним. Выходцам из сельской местности также может понадобиться дополнительная помощь, поскольку их адаптация нередко длится дольше, чем у городских переселенцев.

Обсуждение и заключение. Жители названных городов могут воспринимать «чужими» не только трансграничных, но и внутренних мигрантов. Их отчужденность определяется видимыми различиями, но никак не культурными. При этом в качестве примера групп, обладающих отличиями, приводятся выходцы из национальных республик либо из небольших населенных пунктов. Культурные различия могут опираться на эссенциалистские представления, подразумевающие врожденную социокультурную специфику населения как основных стран-доноров, так и других российских регионов. Степень актуальности различий зависит от разницы в размере поселения-донора и реципиента: *«На мой взгляд, всё равно люди, выросшие в городе, <...> более грамотные, больше ориентируются в мире. Те, кто приезжают из села, их образ мысли ограничен этой жизнью в селе. Там же ещё и отсутствие интернета, отсутствие других коммуникаций. Люди замкнутые очень».*

Таким образом, мигранты в представлении респондентов составляют группу людей, обладающих видимыми отличиями вне зависимости от того, пересекали они государственную границу или нет. Внутри этой группы существует разделение по причинам отличий – по типу поселения и этническому, или национальному, маркированию региона исхода. Если человек является выходцем из этнического региона и небольшого поселения одновременно, он, по всей видимости, будет в наибольшей степени отчужден от принимающей группы.

Можно предположить, что границы, разделяющие «своих» и «чужих», более проницаемы в случае с внутренними мигрантами, нежели с теми, кто прибыл извне российских границ. Признавая готовность контактировать с выходцами из других регионов России, респонденты выдвигают русскую культуру как основу и одновременно как ограничение этой интеракции с последующим исключением из нее всех, кто такой культурой не обладает.

Наиболее значимым для идентификации трансграничных мигрантов в принимающих городах оказывается макроуровень идентичности. Мезо- (субрегиональная идентичность) и микроуровень (региональная и локальная идентичности) актуализируются относительно внутренних мигрантов. При этом микроуровень укоренен в повседневности респондентов, макроуровень в большей степени основан на политической мифологии.

Актуализация идентичности на мезоуровне может быть опосредована личным опытом, например поездками по России, встречами с жителями других территорий. Предположительно, наиболее значимой является идентичность, связанная с административными центрами сибирских регионов. Под «стать своим» многие респонденты подразумевают именно «стать красноярцем, томичом или иркутянином».

При этом границы между «своим» и «чужим» определяются степенью доступности горизонтальных сетей городов.

Проницаемость границ между приезжими и местным населением варьируется в зависимости от города. Так, в Томске и Красноярске она оказывается выше за счет доминирования образовательной миграции, которая воспринимается как ресурс развития города; в Иркутске – ниже, что проявляется в частоте упоминаний конфликтов и криминальных ситуаций, ассоциированных с мигрантами.

Наш материал подтверждает тезис о существовании в России нации как «...сети социальной коммуникации, плотность которой значительно выше, чем за ее пределами»¹⁹. Рассуждая о внутренних мигрантах, респонденты подсвечивают разрывы в этой сети. Можно заключить, что причиной их существования служат коммуникативные сбои, возникающие из-за социального неравенства между жителями крупных региональных центров и периферии. Культура, поведение, а также, в редких случаях, нация и этнос иногда объявляются причинами различий, однако под этими категориями часто подразумевается именно разность интегрированности в локальные сети.

Возможно, поэтому одним из ключевых факторов, превращающих «чужого» в «своего» в нарративах респондентов, выступает время. Оно позволяет и тем, и другим адаптироваться друг к другу: мигранты включаются в местные сети, что приводит к постепенной унификации практик; принимающая сторона учится взаимодействию с представителями иных инфраструктурных и социальных сетей. Это предположение подтверждают высказывания опрошенных во всех трех городах: никто из них не исключил возможности для приезжих войти в категорию «своих»; напротив, был выделен набор критериев и характеристик, которые дают основание для подобного расширения «мы-группы». Срок адаптации меняется в зависимости от города и личности участника фокус-группы. Возможные в данном процессе коммуникативные сбои увеличивают длительность интеграции и несут в себе значительный конфликтный потенциал, который можно снизить, если сократить время, требующееся на внедрение новых практик в социальные отношения и городскую среду принимающей стороны.

Результаты исследования конструирования границ между воображаемыми сообществами под воздействием миграционных процессов вносят вклад в изучение последних. Фокус на внутристрановых перемещениях людей позволил показать, что они играют важную роль в формировании конфигураций общероссийской идентичности и ее уровней. Это подтверждает значимость разработки и принятия мер воздействия на внутреннюю миграцию; с практической точки зрения позволяет подсветить проблемные зоны в регулировании межрегиональной и внутренней миграции, что до сих пор не является стратегической задачей²⁰. Учитывая необходимость актуализации концептуальных основ миграционной политики, результаты исследования могут быть полезны для включения данных вопросов в политическую повестку.

¹⁹ Малахов В. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М. : НЛЮ, 2023. 288 с.

²⁰ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ № 622 от 31 октября 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 02.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Полунов А.Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2023;(96):124–133. URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/61/55> (дата обращения: 17.03.2024).
Polunov A.Yu. All-Russian Civic Identity: Conceptual Foundations and Regional Implementation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2023;(96):124–133. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/61/55> (accessed 17.03.2024).
2. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках. *Социологические исследования*. 2014;(12):3–11. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_12/Sanina.pdf (дата обращения: 17.03.2024).
Sanina A.G. [Genesis of the Idea of Identity in Sociology and Related Sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;(12):3–11. (In Russ.) Available at: https://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_12/Sanina.pdf (accessed 17.03.2024).
3. Дробизева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*. 2020;(8):37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
Drobizheva L.M. Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(8):37–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
4. Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д. Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024;26(2):306–324. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/39757>
Varshaver E.A., Ivanova N.S., Egorova T.D. Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become Its Member? *RUDN Journal of Political Science*. 2024;26(2):306–324. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/39757/23548>
5. Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Варшавер Е.А., Савин И.С. «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов. *Актуальные проблемы Европы*. 2024;(3):245–265. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>
Ivanova N.S., Egorova T.D., Varshaver E.A., Savin I.S. “To Live Just Like We Do”: Russian Residents’ Perceptions of Migrant Integration. *Aktualnye problemy Evropy*. 2024;(3):245–265. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>
6. Дробизева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(4):7–22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02>
Drobizheva L.M. Dynamics of Civic Identity and Its Potential in Positive Integration Processes in the Russian Community. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(4):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02>
7. Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты. *Социальная психология и общество*. 2020;11(4):165–181. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>
Gritsenko V.V., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. The Importance of Civil, Ethnic and Regional Identity for Residents from Small Russian Towns and its Determinants. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*. 2020;11(4):165–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>
8. Тишков В.А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачёва до Путина). *Вестник Российской нации*. 2018;(6):9–30. URL: http://rosnation.ru/?page_id=4013 (дата обращения: 19.03.2024).
Tishkov V.A. Changing Concepts of Ethno-Politics in Russia (from Gorbachev to Putin). *Bulletin of Russian Nation*. 2018;(6):9–30. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://rosnation.ru/?page_id=4013 (accessed 19.03.2024).
9. Козлова М.А. «Стигма расы»: Стратегии совладания мигрантов из республик Северного Кавказа в Москве. *Журнал исследований социальной политики*. 2016;14(3):347–362. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3260> (дата обращения: 21.02.2024).

- Kozlova M.A. "The Race Stigma": The Coping Strategies Employed by Migrants from the North Caucasus in Moscow. *Journal of Social Policy Studies*. 2016;14(3):347–362. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3260> (accessed 21.02.2024).
10. Богатова О.А., Долгаева Е.И. Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации. *Регионоведение*. 2022;30(2):447–469. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>
Bogatova O.A., Dolgaeva E.I. The City in Theory and in Practice: Factors of Social Identity Formation of the Capital of Republic within the Russian Federation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):447–469. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>
 11. Ерохина Е.А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия). *Гуманитарные науки в Сибири*. 2007;(3):100–103. <https://www.elibrary.ru/ibvmgv>
Erokhina E.A. [Ethnic Borders in the Interethnic Community (on the Example of the Republic of Khakassia)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2007;(3):100–103. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ibvmgv>
 12. Персидская О.А., Евдокимов А.И. Разные виды идентичностей у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016;(10):137–141. <https://www.elibrary.ru/wlwonr>
Persidskaya O.A., Evdokimov A.I. Types of Identity Among Ethnic Groups of Siberia: Comparing Sociological Research Findings. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2016;(10):137–141. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/wlwonr>
 13. Малахов В.С., Симон М.Е. К генеалогии миграционной политики в России: столкновение двух правительственных рациональностей. *Вопросы теоретической экономики*. 2018;(1):58–72. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00004>
Malakhov V.S., Simon M.E. To the Genealogy of Russian Migration Policy: the Collision between Two Governmentalities. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. 2018;(1):58–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00004>
 14. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2010;(3/4):121–149. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-121-149>
Dyatlov V.I. [Cross-Border Migrants in Modern Russia: Dynamics of Stereotypes Formation]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*. 2010;(3/4):121–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-121-149>
 15. Ивлева И.В., Тавровский А.В. Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа. *Этнографическое обозрение*. 2019;(1):149–165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>
Ivleva I.V., Tavrovskii A.V. The Representation of Labour Migrants in the Russian Media. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 2019;(1):149–165. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>
 16. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобия в контексте культуры доверия. *Мир России*. 2014;23(1):137–166. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977/5339> (дата обращения: 15.01.2024).
Mukomel V.I. Xenophobia in the Context of Culture of Trust. *Mir Rossii*. 2014;23(1):137–166. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977/5339> (accessed 15.01.2024).
 17. Мукомель В.И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтнические мигранты в московском мегаполисе. *Федерализм*. 2015;(1):79–92. URL: <https://federalizm.rea.ru/jour/issue/view/41> (дата обращения: 18.01.2024).
Mukomel V.I. Their "Other": Russian Domestic Inoethnic Migrants in the Moscow Megapolis. *Federalizm*. 2015;(1):79–92. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://federalizm.rea.ru/jour/issue/view/41> (accessed 18.01.2024).
 18. Евдокимов А.И., Пономарева И.В. Культурные ценности российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии. *Теория и практика общественного развития*. 2021;(2):26–31. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.2.3>

- Evdokimov A.I., Ponomareva I.V. Cultural Values of Russian Youth and Migrants from Central Asia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2021;(2):26–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.2.3>
19. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры. *Общественные науки и современность*. 2012;(5):151–163. <https://www.elibrary.ru/pfzsdz>
Zamyatina N.Yu. [Territorial Identities and Social Structures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2012;(5):151–163. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/pfzsdz>
 20. Булатов А.О. Российское государство и «внутренние» мигранты-мусульмане: тенденции взаимодействия и стратегии адаптации. *Вестник Евразии*. 2007;(3):68–77. URL: <https://sciup.org/eavest/2007-3> (дата обращения: 15.03.2024).
Bulatov A.O. [The Russian State and “Internal” Muslim Migrants: Interaction Trends and Adaptation Strategies]. *Vestnik Evrazii*. 2007;(3):68–77. (In Russ.) Available at: <https://sciup.org/eavest/2007-3> (accessed 15.03.2024).
 21. Мукомель В.И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов. *Социологические исследования*. 2016;(5):69–79. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_5/69_79_Mukomel.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
Mukomel' V.I. [Problems of Integration of Intra-Russian Foreign-Ethnic Migrants]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;(5):69–79. (In Russ.) Available at: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_5/69_79_Mukomel.pdf (accessed 10.04.2024).
 22. Zhao J., Pan H., Wahid M., Liu F. Vulnerability of Chinese Rural-to-urban Migrants to Social Exclusion: Spatial Pattern and Mechanism. *Frontiers of Architectural Research*. 2021;10(3):572–583. <https://doi.org/10.1016/j.foar.2021.03.006>
 23. Chan K.W., Buckingham W. Is China Abolishing the Hukou System? *The China Quarterly*. 2008;(195):580–606. <http://doi.org/10.1017/S0305741008000787>
 24. Chan A. Migrant Workers' Fight for Rights in China. *Current History*. 2016;115(782):209–213. <https://doi.org/10.1525/curh.2016.115.782.209>
 25. Friedman E., Lee C.K. Remaking the World of Chinese Labour: A 30-Year Retrospective. *British Journal of Industrial Relations*. 2010;48(3):507–533. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2010.00814.x>
 26. Wu W. Urban Infrastructure Financing and Economic Performance in China. *Urban Geography*. 2010;31(5):648–667. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.31.5.648>
 27. Liu E., Li Z., Liu Y., Chen H. Growth of Rural Migrant Enclaves in Guangzhou, China: Agency, Everyday Practice and Social Mobility. *Urban Studies*. 2015;52(16):3086–3105. <https://doi.org/10.1177/0042098014553752>
 28. Wu F. Housing in Chinese Urban Villages: The Dwellers, Conditions and Tenancy Informality. *Housing Studies*. 2014;31(7):852–870. <https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1150429>
 29. Song Y., Zenou Y., Ding C. Let's Not Throw the Baby Out with the Bath Water: The Role of Urban Villages in Housing Rural Migrants in China. *Urban Studies*. 2008;45(2):313–330. <https://doi.org/10.1177/0042098007085965>
 30. Lui L., Chan K.W. “Rural but Not Rural”: Gendered and Classed Moral Identities in Liminal Spaces in Guangdong, China. *Eurasian Geography and Economics*. 2022;63(2):239–258. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1833358>
 31. Njwambe A., Cocks M., Vetter S. Ekhayeni: Rural-Urban Migration, Belonging and Landscapes of Home in South Africa. *Journal of Southern African Studies*. 2019;45(2):413–431. <http://doi.org/10.1080/03057070.2019.1631007>
 32. Albert A.O., Onodje O. Migration and Cultural Identity Retention of Igbo Migrants in Ibadan, Nigeria. *Journal of Sustainable Development*. 2016;9(2):137–144. <http://doi.org/10.5539/jsd.v9n2p137>
 33. Abiola M., Ndisika M. Internal Migration and Multi-Ethnicity: Sense of Belonging of the Nigerian Second-Generation Migrants. *International Journal of Humanities and Social Development Research*. 2022;6(1):54–77. Available at: https://scholar.google.com/citations?user=f_yAaEUAAAAJ&hl=en (accessed 10.04.2024).
 34. Abbas R. Internal Migration and Citizenship in India. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016;42(1):150–168. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1100067>
 35. Chaklader M.A. Understanding Ethnic Identity in the Context of Internal Migration: a Case Study of University Students of Ethnic Minority Origins in Urban Bangladesh. *PEOPLE: International Journal of Social Sciences*. 2019;5(1):328–349. <http://doi.org/10.20319/pijss.2019.51.328349>

36. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель. *Социология: методология, методы, математическое моделирование* (Социология: 4М). 2014;(38):38–71. URL: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3770> (дата обращения: 19.12.2024).
Shteinberg I.E. A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An “8-Window Sample Model”. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* (Sotsiologiya: 4M). 2014;(38):38–71. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3770> (accessed 19.12.2024).

Об авторах:

Тимошкин Дмитрий Олегович, доктор социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), профессор кафедры информационных технологий в креативных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-0469>, Researcher ID: E-4471-2019, Scopus ID: 57205318934, SPIN-код: 6568-6235, dmttrtim@gmail.com

Сметанин Федор Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), старший преподаватель кафедры культурологии и музеологии Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-кт Ленина, д. 36), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0408-9845>, Researcher ID: AAO-6585-2020, Scopus ID: 57783110200, SPIN-код: 4055-0300, f-smetanin@mail.ru

Горшкова Диана Евгеньевна, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-кт Ленина, д. 36), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>, Researcher ID: AAO-6975-2020, Scopus ID: 57221914634, SPIN-код: 6085-7996, br.diana21@gmail.com

Волошин Андрей Александрович, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4326-5290>, nishlov94@gmail.com

Иванов Кирилл Андреевич, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), младший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Иркутский институт химии им. Е.А. Фаворского Сибирского отделения Российского отделения наук» (664033, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Фаворского, 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>, Researcher ID: O-9236-2015, Scopus ID: 59248985100, SPIN-код: 8077-4256, ivanov-ka@word.isu.ru

Корешкова Юлия Олеговна, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-6032>, Researher ID: JSK-5702-2023, Scopus ID: 57658268400, SPIN-код: 5742-0242, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Сорокина Арина Евгеньевна, бакалавр культурологии, студент Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7949-6816>, arinasoroka47@gmail.com

Игнатенко Софья Александровна, бакалавр культурологии, студент Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7057-5262>, ajifos01102002@mail.ru

Шапошникова-Мурашова Галина Алексеевна, бакалавр культурологии, студент Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-068X>, galya.shaposhnickova@yandex.ru

Вклад авторов:

Д. О. Тимошкин – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка и проектирование методологии исследования; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Ф. А. Сметанин – разработка и проектирование методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Д. Е. Горшкова – разработка и проектирование методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; разработка методологии исследования; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

А. А. Волошин – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

К. А. Иванов – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; обработка и анализ данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Ю. О. Корешкова – формулирование идеи исследования, целей и задач; написание черновика рукописи, включая перевод на иностранный язык; внесение замечаний и исправлений.

А. Е. Сорокина – обработка данных; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; внесение замечаний и исправлений.

С. А. Игнатенко – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; внесение замечаний и исправлений.

Г. А. Шапошникова-Мурашова – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.10.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 25.01.2025.

About the authors:

Dmitriy O. Timoshkin, Dr.Sci. (Sociol.), Senior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), Professor of the Chair of Information Technologies in Creative Industries, Humanitarian Institute of Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-0469>, Researcher ID: E-4471-2019, Scopus ID: 57205318934, SPIN-code: 6568-6235, dmttrim@gmail.com

Fedor A. Smetanin, Cand.Sci. (Histor.), Junior Research in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), Senior Lecturer of the Chair of Cultural Studies and Museology, Institute of Arts and Culture, National Research Tomsk State University (36 Prospekt Lenina, Tomsk 634050, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0408-9845>, Researcher ID: AAO-6585-2020, Scopus ID: 57783110200, SPIN-code: 4055-0300, f-smetanin@mail.ru

Diana E. Gorshkova, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx st., Irkutsk 664003, Russian Federation), Assistant of the Chair of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (36 Prospekt Lenina, Tomsk 634050, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>, Researcher ID: AAO-6975-2020, Scopus ID: 57221914634, SPIN-code: 6085-7996, br.diana21@gmail.com

Andrei A. Voloshin, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-4326-5290>, nishlov94@gmail.com

Kirill A. Ivanov, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), Researcher of the Federal Research Center E.A. Favorsky “Irkutsk Institute of Chemistry. Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (1 Favorskogo St., 664033 Irkutsk, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>, Researcher ID: O-9236-2015, Scopus ID: 59248985100, SPIN-code: 8077-4256, ivanov-ka@word.isu.ru

Iuliia O. Koreshkova, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-6032>, Researcher ID: JSK-5702-2023, Scopus ID: 57658268400, SPIN-code: 5742-0242, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Arina E. Sorokina, Bachelor of Cultural Studies, Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7949-6816>, arinasoroka47@gmail.com

Sofiya A. Ignatenko, Bachelor of Cultural Studies, Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7057-5262>, ajifos1102002@mail.ru

Galina A. Shaposhnikova-Murashova, Bachelor of Cultural Studies, Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-068X>, galya.shaposhnikova@yandex.ru

Contribution of the authors:

D. O. Timoshkin – formulating research idea, goals, and objectives; developing and designing research methodology; supervising, leading, and mentoring the planning and conduct of the study; implementing the research process, including data collection; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

F. A. Smetanin – developing and designing the research methodology; implementing the research process, including data collection; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

D. E. Gorshkova – developing and designing the research methodology; implementing the research process, including data collection; developing the research methodology; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

A. A. Voloshin – carrying out the research process, including data collection; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

K. A. Ivanov – carrying out the research process, including data collection; processing and analyzing data; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

I. O. Koreshkova – formulating the research idea, goals and objectives; writing a draft manuscript, including translation into a foreign language; making comments and corrections.

A. E. Sorokina – carrying out the research process, including data collection; making comments and corrections.

S. A. Ignatenko – carrying out the research process, including data collection; making comments and corrections.

G. A. Shaposhnikova-Murashova – carrying out the research process, including data collection; making comments and corrections.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 07.10.2024; revised 18.01.2025; accepted 25.01.2025.